

Л. П.

История Наполеона I. Том I

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Л11

Л11 **Л. П.**
История Наполеона I. Том I / Л. П. – М.: Книга по Требованию, 2019. –
405 с.

ISBN 978-5-458-50075-3

Пятитомная «История Наполеона I» французского историка середины XIX в. Пьера Ланфре (1828 – 1877 гг.) изданная в Санкт-Петербурге в 1870 – 1877 гг. охватывает период с рождения Наполеона Бонапарта до осложнения русско-французских отношений в 1811 г. и подготовки военной кампании в России. В ней содержится подробное изложение событий Наполеоновских войн, сопровождавшееся критической оценкой деятельности Наполеона I. Данная работа П. Ланфре незакончена в связи со смертью автора.

ISBN 978-5-458-50075-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2019

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2019

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ГЛАВА I.

Юность и начало дѣятельности Наполеона.

Сужденія о Наполеонѣ чаще всего имѣли источникомъ любовь или ненависть. Послѣ смерти, какъ и при жизни, ему суждено было глубоко волновать сердца человѣческія, а войны, возродившіяся изъ его политики, продолжали за или противъ его убѣжденій. Народные апоѳеозы, пристрастныя восхваленія партій, любезности историковъ—вызывали въ отвѣтъ яростное мщеніе, въ которомъ часто виднѣлась истина, раненая собственнымъ же оружіемъ. Впрочемъ, слава его находила болѣе поклонниковъ, нежели хулителей, ибо ладанъ, котораго не имѣется больше для идола, все еще воскуряется передъ его приверженцами. Исторія не создана для ролей, которыя не согласуются ни съ спокойствіемъ правосудія, ни съ достоинствомъ судьи.

Въ настоящее время, когда хвала и хула, будучи исчерпаны, приготовили всѣ данныя для полнаго изученія, настала пора для болѣе точной оцѣнки. Если послѣ столькихъ знаменитыхъ современниковъ, публицистовъ, философовъ, историковъ и поэтовъ, я, въ свою очередь, осмѣливаюсь коснуться личности, которую немногіе изъ нихъ могли изучать безнаказанно, то единственно потому, что могу воспользоваться благодареніемъ времени: свѣдѣній изобильно, побудительныя

причины лучше извѣстны, факты болѣе освѣщены, разрывается ложное обаяніе. Настоящее, сдѣлавшись менѣе суровымъ, не позволяетъ болѣе сомнѣваться за будущее. Меня не волнуютъ ни пристрастіе ненависти, ни порывы энтузіазма, и всякое мнѣніе, которое могло бы помѣшать мнѣ склониться передъ истиннымъ величіемъ, я оттолкнулъ бы какъ позорное рабство.

Есть, впрочемъ, въ исторіи умѣряющая сила, которая защищаетъ душу отъ фанатизма духа партій. Если она представляетъ намъ неудѣшительное зрѣлище упадковъ, паденій и безчисленныхъ противорѣчій, за то, въ чертахъ болѣе поразительныхъ, она показываетъ намъ, что въ цивилизаціи существуетъ постоянное стремленіе поднять свой уровень. Не взирая на нѣкоторые, дурно понятыя наружныя признаки, исторія не есть школа фатализма, но продолжительная защита въ пользу человѣческой свободы.

Это изученіе, свойственное всѣмъ временамъ, выступаетъ съ особенною силою изъ поступательнаго движенія вѣка, въ которомъ родился Наполеонъ, до начала французской революціи, и уклоненія, наступающія впоследствии, не могутъ ослабить его дѣйствія. Никогда дѣятельность, помимо своихъ увлеченій, не была болѣе свободна и основательна, никогда люди не стремились къ истинѣ съ рвеніемъ болѣе искреннимъ и смѣлымъ. Успѣхамъ ихъ усилій могли помѣшать страсти, ошибки, вліяніе старинныхъ предразсудковъ и препятствія, неразлучныя съ веденіемъ дѣла, но усилія ихъ не были напрасны. Масса великихъ дѣятелей возобновила всѣ попріца знанія и мысли; они внушили болѣе возвышенную идею о человѣческомъ достоинствѣ, расширили понятіе о правахъ народовъ и индивидуумовъ, разрушили всевозможные роды рабства и примирили политику съ правосудіемъ и свободою; они смягчили нравы до такой степени, что какъ бы готовы были простить заблужденіямъ и дать имъ время умереть естественною смертію.

Быль ли въ этомъ XVIII вѣкѣ исключеніемъ? Преслѣдовалъ ли онъ утопію? Онъ продолжалъ дѣло своихъ предшественниковъ: XVI столѣтія, видѣвшаго рожденіе реформациі, и XVII, которое видѣло, какъ восторжествовали англійскія учрежденія; онъ шелъ по великому пути рода человѣческаго, сознавалъ это, и подобная увѣренность придавала его закату нѣчто торжественное. Послѣ мыслителей, прославившихъ его карьеру, онъ видѣлъ уже появленіе тѣхъ великихъ личностей, которыя должны были дополнить его дѣятельность: такъ послѣ Локке, Монтескье, Вольтеровъ, Руссо, возникли Тюрго, Франклины, Мирабо, Вашингтоны. Американская республика, это дитя опыта, безукоризненная какъ созданіе чистаго разума, родилась за Океаномъ, чтобъ служить маякомъ для будущихъ обществъ. Будущее казалось до такой степени обезпеченнымъ, ходъ событій до такой степени неотразимымъ, что самыя трезвыя умы не могли не поддаться легкому опьянѣнію, и устремились къ послѣднимъ предѣламъ возможнаго. Не довольствуясь провозглашеніемъ конца религіознаго и политическаго деспотизма, они стремились къ уничтоженію бѣдности, рабства, войны. Около этого-то времени на неизвѣстномъ, почти лишенномъ исторіи островкѣ, родился ребенокъ, долженствовавшій носить имя Наполеона Бонапарте.

Противоположность, какую этотъ необыкновенный человекъ представляетъ съ общимъ духомъ своей эпохи, рѣзко бросается въ глаза: по своему характеру, идеямъ и въ особености по цѣли, къ которой Наполеонъ стремился, онъ кажется принадлежащимъ къ другому вѣку. Однако же чѣмъ больше его изучаешь, тѣмъ яснѣ видишь, что изъ остатковъ его дѣятельности сохранились въ живыхъ именно тѣ, которые онъ заимствовалъ у генія своего времени. Остальное положительно феноменально. Поэтому роль Наполеона не имѣетъ ничего необъяснимаго для исторіи.

Родина его, повидимому, служила живымъ изобличеніемъ въ неправдѣ мечтанія философовъ. Въ тотъ вѣкъ космо-

политизма, Корсика, по своимъ бѣдствіямъ и по характеру своихъ обитателей, представляла особенную, какъ бы отдѣльную страну въ Европѣ. Сношенія ея съ континентомъ, которыя никогда не были часты, сдѣлались еще рѣже во время продолжительной борьбы ея съ генуэзцами. Вслѣдствіе этого, не взирая на нѣкоторый лоскъ просвѣщенія, за которымъ корсиканская молодежь отправлялась въ итальянскіе университеты, они сохранили почти нетронутою энергическую и дикую оригинальность своего характера. „Корсика, говоритъ Титъ Ливій:—страна суровая, гористая и почти непроходимая. Жители ея, сходствуя съ нею и въ дикости, мало чѣмъ отличаются отъ дикаго звѣря. Будучи взяты въ плѣнъ, корсиканцы не смягчаются въ неволѣ: они дѣлаются невыносимы для хозяевъ, или умираютъ подъ гнетомъ рабства.“

Портретъ этотъ сохранилъ долю истины, не смотря на перемѣны, происшедшія отъ смѣшенія племенъ и прогресса времени. Хотя послѣдовательные набѣги и вліяніе общей цивилизаціи и смягчили первоначальный типъ, однако не могли уничтожить главныя черты его: къ неукротимой дикости присоединилась нѣкоторая уклончивость, заимствованная у Италіи, къ энергіи характера — утонченность понятій. Корсиканцы были и суть въ настоящее время трезвы, храбры, гостепріимны, но скрытны, суевѣрны и мстительны. Какъ бы соотвѣтствуя своему климату, знойному на равнинахъ и холодному на горахъ, они обладаютъ пылкостью сердца и холодомъ разсудка. Они созданы для отличій на дипломатическомъ и военномъ поприщахъ. Они соприкасались тогда съ современными идеями лишь посредствомъ крохъ классической эрудиціи, выносимой изъ итальянскихъ университетовъ. Паоли могъ серьезно надѣяться играть на родинѣ роль Солона и Ликурга, и въ томъ, что обстоятельства дозволили ему предпринять, не встрѣтилъ ни малѣйшаго препятствія, которое встрѣтилъ бы непременно во всякомъ другомъ мѣстѣ. То, что во Франціи было лишь фантазіею мечтателей, стало

въ Корсикѣ фактомъ, возможнымъ для государственнаго чело-
вѣка и немедленно могло быть приведено въ дѣйствіе.
Вотъ почему Корсика обратила на себя вниманіе Жанъ-Жакъ
Руссо, преданнаго тогда всецѣло воспоминаніямъ о древ-
немъ мірѣ, съ которыми онъ надѣялся создать новое. Въ
своемъ *Contrat Social*, онъ называетъ Корсику единствен-
ною въ Европѣ страню, способною для законодательства, что
подало поводъ Паоли просить у него чрезъ посредство Бут-
тафуоко проекта конституціи. Корсиканцы очутились сразу
въ положеніи, которое невысказано нигдѣ иначе какъ по
уничтоженіи всего существующаго. Это социальное положе-
ніе и духъ, изъ него вытекавшій, объясняютъ въ нѣкоторой
степени то, что отзывается древностью въ политическомъ
идеалѣ Наполеона и Паоли, ибо Цезарь не менѣе Ликурга
неприложимъ къ мягкимъ условіямъ современныхъ обществъ.

Послѣ долготѣтней упорной борьбы, въ продолженіе кото-
рой маленькая эта страна удивляла Европу, генуэзцы, видя,
что имъ вновь не завоевать этого острова, подарили его
Франціи. Шуазель, прибывшій сперва какъ примиритель и
въ этомъ качествѣ занявшій главные порты Корсики, не
постыдился обратить всѣ силы могущественной націи про-
тивъ слабого народа, ввѣрившагося его покровительству.
Напрасно герой войны съ генуэзцами, Паоли, старался вос-
противиться французскому насилію: необходимость заста-
вила уступить. Съ отчаяніемъ въ душѣ, онъ удалился изъ
страны, которую освободилъ отъ прежнихъ угнетателей
только для того, чтобъ видѣть, какъ она подчинилась но-
вому деспотизму. Но въ тотъ же самый годъ, когда фран-
цузскія силы раздавили патріотовъ, на Корсикѣ родился
тотъ, кого ея завоеватели должны были скорѣе признать
своимъ повелителемъ. Наполеонъ впервые увидѣлъ свѣтъ
15 августа 1769 г., чрезъ два мѣсяца послѣ покоренія острова.

Дѣтство и юность самыхъ великихъ людей непремѣнно
ускользаютъ отъ исторіи, и вотъ почему чаще всего они дѣ-

лаются достояніемъ вымысла. Юность полна психологическихъ тайнъ и тайныхъ превращеній, которыя, при самомъ внимательномъ наблюденіи, представляютъ весьма мало положительныхъ данныхъ. Это возрастъ формациі, въ которомъ въ душѣ человѣка все еще неопредѣленно и измѣнчиво. Въ ней еще нѣтъ ничего, составляющаго историческую дѣйствительность, и необыкновенно мало у юноши дѣйствій, которыя были бы достойны особеннаго вниманія. Поэтому усиленные старанія, употребленные для того, чтобъ извлечь память Наполеона изъ этого неизбежнаго мрака, послужили только къ сочиненію легендъ, ребячество которыхъ равняется неправдоподобію. Поставленный съ одной стороны между неудобствомъ значительной краткости, а съ другой неудобствомъ мелочности, не имѣющей ничего серьезнаго и правдиваго, я, откинувъ все гадательное, бѣгло набросалъ только тѣ факты и наблюденія, которые, вслѣдствіе всеобщаго свидѣтельства, представляютъ единственно характеръ вѣроятія.

Между товарищами Паоли въ первыхъ рядахъ отличался Карлъ Бонапарте, отецъ Наполеона. Родъ этотъ происходилъ изъ Италіи, гдѣ сохранились еще его потомки, и отличался нѣкоторою извѣстностью въ политикѣ и литературѣ въ эпоху итальянскихъ республикъ. Вслѣдствіе гражданскихъ несогласій, раздиравшихъ Флоренцію, родъ этотъ переселился въ Корсику, но всегда сохранялъ сношенія съ родиною, и оставался итальянскимъ почти на столько же какъ и корсиканскимъ, такъ что нельзя въ немъ не узнать племени, отъ котораго произошелъ Макиавель. Когда Паоли покинулъ островъ, Карлъ Бонапарте, незадолго предъ тѣмъ женившійся на Летициі Рамолино, женщинѣ рѣдкой красоты, раздѣлявшей съ нимъ опасности въ то время, когда уже она была беременна Наполеономъ, долженъ былъ поступить, какъ поступило большинство согражданъ. Онъ даже сумѣлъ съ замѣчательною легкостью снискать расположеніе французскаго правительства; но, въ продолженіе многихъ еще лѣтъ, горсть патріотовъ,

преслѣдуемая въ горахъ, продолжала поддерживать борьбу, и казнь ихъ обрызгала кровью побѣды французовъ.

Среди этого-то народа, побѣжденнаго, но не укрощеннаго, среди этихъ страстей, то сдерживаемыхъ, то разражавшихся со всею корсиканскою необузданностью, росъ Наполеонъ I. Будучи ребенкомъ, онъ присутствовалъ при послѣднихъ судорогахъ независимости своего отечества. „Я родился, когда моя родина погибала, писалъ онъ къ Паоли, въ 1789 г.:—и съ дѣтства колыбель мою окружали — крики умирающихъ, стоны притѣсняемыхъ и слезы отчаянія.“ Рожденный среди этихъ бурь, онъ заранѣе освоился съ ихъ порывами, и имъ-то обязанъ отчасти тѣмъ хладнокровіемъ, которое выказалъ впоследствии среди революціоннаго хаоса. Подобно ребенку—Ахиллу, онъ былъ погруженъ въ воды Стикса.

Первые элементы, которыми питалось его юное и пламенное воображеніе, были: воспоминанія о войнѣ за независимость, проклетія угнетеннаго патріотизма и въ особенности тогда уже легендарные подвиги великаго Паоли, воина-законодателя, этой античной личности, какъ-то зашедшей въ XVIII столѣтіе. Впечатлѣнія эти глубоко врѣзались въ его воспріимчивую душу и восторжествовали надъ всѣми чувствами молодости; они-то придали ему необыкновенную серьезность. Въ дѣтствѣ еще онъ раздѣлялъ великія патріотическія движенія, понимая ихъ инстинктивно, прежде нежели могъ понять сознательно; онъ присутствовалъ при событіяхъ, освѣщавшихъ для него слишкомъ рано всѣ крайности жизни человѣческой. Онъ зналъ уже политическія страсти еще въ томъ возрастѣ, когда юноши обыкновенно увлекаются игрушками, и, можетъ быть, онъ и отрѣшился отъ нихъ такъ скоро собственно потому, что познакомился съ ними слишкомъ рано. По прибытіи въ Бриеннъ, этотъ одиннадцатилѣтній мальчикъ увидѣлъ въ одной изъ школьныхъ залъ портретъ Шуазеля, виновника бѣдствій своей родины; тотчасъ же онъ осыпалъ его ругательствами и пришелъ въ негодованіе, зачѣмъ сохра-

няли въ Бриеннѣ портретъ подобнаго человѣка. Немного позже, говоря о покойномъ своемъ отцѣ, онъ выразился, что не можетъ простить ему — зачѣмъ онъ не послѣдовалъ за Паоли раздѣлить судьбу послѣдняго въ изгнаніи.

Карль Бонапарте, у котораго семейство было многочисленно, а состояніе весьма ограничено, помѣстилъ своихъ дѣтей на казенный счетъ въ лучшія учебныя заведенія, благодаря покровительству графа Марбѣфа, корсиканскаго губернатора. Этимъ-то способомъ и Наполеонъ попалъ въ Бриеннѣ. Отбрасывая массу подозрительныхъ анекдотовъ, изобилующихъ относительно этой эпохи его жизни, и придерживаясь только общаго впечатлѣнія знавшихъ его въ ту пору, мы видимъ уже въ немъ сосредоточенный, рѣшительный характеръ, воинственныя наклонности, и, помимо вспышекъ веселости, мрачное настроеніе ума, столь странное въ такомъ ребенкѣ. Суровая доля уничтожила въ немъ всю наивную прелесть дѣтства. Онъ любилъ уединяться, рѣдко бывалъ откровененъ съ товарищами, которые мало любили его и въ игры которыхъ онъ почти никогда не вмѣшивался. Эта наклонность къ уединенію, врожденная душѣ, не находящей вокругъ себя предмета сближенія, въ которомъ ощущаетъ потребность, часто сопутствуетъ превосходству, даже въ такомъ возрастѣ, когда это не сознается, и дѣти не прощаютъ этого точно такъ же, какъ и взрослые.

Впрочемъ, онъ былъ трудолюбивый, рачительный воспитанникъ. и что странно—необыкновенно послушенъ наставникамъ. Это видно изъ удостовѣренія кавалера Кералию, бывшаго инспекторомъ военныхъ училищъ, котораго поразили умъ и характеръ, обнаруживавшіеся въ этомъ юношѣ. Съ тѣхъ поръ Наполеонъ умѣлъ, когда ему хотѣлось, побѣждать свою природную грубость предъ обстоятельствами и дѣлаться покорнымъ, когда требовала того надобность. Въ короткое время онъ сталъ первымъ ученикомъ по математикѣ, къ которой чувствовалъ страстное влеченіе. Любилъ онъ также и

исторію, но замѣтно отдавалъ предпочтеніе изученію древнихъ республикъ, гдѣ находилъ возвышенныя картины борьбы, жертвою которой пало его отечество. Съ раннихъ лѣтъ любимымъ чтеніемъ его были—Плутархъ и Комментаріи Цезаря, ибо въ одномъ онъ находилъ ту странную смѣсь положительнаго съ романическимъ, къ которымъ всегда чувствовалъ особенное влеченіе, а въ другомъ родъ контроля для сравненія при изученіи военныхъ наукъ, и въ то же время великолѣпнѣйшую рамку, какую только могло создавать его воображеніе. На прочіе предметы онъ обращалъ лишь второстепенное вниманіе, и впослѣдствіи только принялся за изученіе французскаго языка, котораго впрочемъ иныхъ элементовъ, самыхъ существенныхъ, не зналъ никогда, хотя не разъ доказывалъ, что владѣлъ имъ какъ первоклассный писатель.

Въ парижскомъ военномъ училищѣ, куда онъ поступилъ для усовершенствованія своего образованія, по выходѣ изъ Бриенна (1785), и гдѣ онъ нашелъ менѣе суровую дисциплину, личность его начала развиваться энергичнѣе и показалась въ новомъ свѣтѣ. Онъ находился какъ бы затеряннымъ среди большаго количества воспитанниковъ. Кротость его уступила мѣсто чувству робкой независимости; онъ сдѣлался упрямымъ, рѣзкимъ, недовольнымъ, такъ что учителя его жаловались на эту перемену. Характеръ его принялъ замѣтно мизантропическое направленіе. Будущее представляло ему печальную перспективу. Отецъ его умеръ, оставивъ семейство въ стѣсненномъ положеніи, худшемъ самой бѣдности; братья и сестры были разсыяны по разнымъ учебнымъ заведеніямъ, гдѣ они воспитывались, какъ говорили тогда, на королевскій счетъ; онъ долженъ былъ лишь рассчитывать на непрочную помощь покровителей....

Противоположность судьбы его съ судьбою товарищескадетъ, по большей части богатыхъ фамилій, живо заставляла его чувствовать горечь лишеній, которыя онъ долженъ былъ налагать на себя и которыя впрочемъ онъ умѣлъ переносить

безропотно. Недовольный, раздраженный, тревожимый беспокойною дѣятельностью,—первыми признаками его генія, онъ жилъ въ одиночествѣ и считался необщительнымъ. Онъ усвоилъ бывшіе тогда въ модѣ тонъ и рѣчи древнихъ цензоровъ, и критиковалъ, со всею строгостью шестнадцатилѣтняго моралиста, злоупотребленія общества, среди котораго, по вѣсѣмъ вѣроятіямъ, ему суждено было темное прозябаніе въ нижнихъ чинахъ арміи. Бурьениъ сохранилъ намъ нѣсколько довольно любопытныхъ отрывковъ изъ Записокъ, сочиненныхъ Бонапарте въ военномъ училищѣ, чтобъ показать все неприличіе разорительныхъ привычекъ, усвоенныхъ воспитанниками, благодаря либеральному уставу. Страшная неправильность его писемъ той эпохи не позволяетъ предполагать, чтобъ слогъ записокъ принадлежалъ ему; но мысли уже обнаруживаютъ умъ практическій и организаторскій. Онъ справедливо смотрѣлъ на всю эту роскошь, какъ на несообразное приготовленіе къ военной жизни; но суровыя правила, которыми онъ предлагалъ замѣнить эти привилегіи, слишкомъ явно обнаруживаютъ тайное памятозлобіе, внушенное духомъ равенства молодому реформатору.

Черезъ годъ Бонапарте вышелъ изъ военнаго училища, поступилъ подпоручикомъ въ полкъ Ла-Фера и отправился въ гарнизонъ въ Валенцію (1786). Ему было шестнадцать лѣтъ съ небольшимъ. Тамъ, подъ вліяніемъ любезной и образованной женщины, радушно принявшей и введшей его въ свѣтъ, сосредоточенная натура эта, не знавшая до того солнечныхъ лучей, распустилась впервые. Замѣчательная перемѣна произошла въ характерѣ, привычкахъ и манерахъ молодаго подпоручика. Тогда-то начала обнаруживаться та вкрадчивая и оболъстительная любезность, которую онъ умѣлъ иногда придавать своему разговору, обыкновенно грубому и прямому, если онъ не былъ повелительнымъ. Умъ его сдѣлался утонченнѣе и гибче, придя въ соприкосновеніе съ обществомъ, державшимся старинныхъ преданій, созданнымъ женщинами